

Клавдия Лукашевич

Рождественский праздник

Далекий Рождественский Сочельник. Морозный день. Из окон видно, как белый, пушистый снег покрыл улицы, крыши домов и деревья. Ранние сумерки. Небо синее.

Мы с Лидой стоим у окна и смотрим на небо.

– Няня, скоро придет звезда? – спрашиваю я.

– Скоро, скоро, – торопливо отвечает старушка. Она накрывает на стол.

– Няня, смотри, вон уже звезда пришла на небо, – радостно говорит Лида.

– Эта не та.

– Почему не та? Посмотри хорошенько.

– Та будет побольше... Эта очень маленькая, – говорит няня, едва взглянув в окно.

– Ты сказала до первой звезды, – плаксиво замечает сестра,

– Ведь мы проголодались. Очень есть хочется, – говорю я.

– Подождите, детушки... Теперь уже скоро... Потерпите.

– Дай ты им чего-нибудь перекусить... Совсем заморила девочек. – Мама услышала наш разговор, вышла из своей комнаты и крепко целует нас.

– Вот еще, что выдумала!.. Разве можно есть до звезды? Целый день постились. И вдруг не дотерпеть. Грешно ведь, – серьезно возражает няня. Нам тоже кажется, что это грешно, Ведь у нас будет “кутья”. Надо ее дожидаться. Взрослые целый день постились и не едят до звезды. Мы тоже решили поститься, как и большие... Но сильно проголодались и нетерпеливо повторяем: “Ах, скорее бы, скорее пришла звезда”.

Няня и мама накрыли стол чистой скатертью и под скатерть положили сено... Нам это очень нравится. Мы знаем, что это делается в воспоминание величайшего события: Господь наш родился в пещере и был положен в ясли на сено.

Мы не обедали, как обычно, в три часа, а будем ужинать “со звездой”, т. е. когда стемнеет и на небе загорятся первые звездочки. У нас будет “кутья” из рису, “кутья” из орехов, пшеница с медом и разные постные кушанья из рыбы. Кроме того, на столе поставят в банках пучки колосьев пшеницы и овса. Все это казалось нам, детям, важным и знаменательным. В нашей квартире так было чисто прибрано, всюду горели лампы; настроение было благоговейное, и целый день поста и эта “кутья” раз в году – все говорило о наступлении великого праздника... Няня, конечно, не раз напоминала нам, что “Волхвы принесли Божественному младенцу ладан, смирну, золото и пшеницу”. Оттого в Сочельник надо есть пшеницу.

Папа наш был малоросс, и многие обряды совершались в угоду ему. Где-то далеко в маленьком хуторе Полтавской губернии жила его мать с сестрой и братом. И там они справляли свою украинскую вечерю и “кутью”. Папа нам это рассказывал и очень любил этот обычай. Но в сером домике бабушки и дедушки тоже в Рождественский Сочельник всегда справлялась “кутья”... Как у них, так и у нас непременно бывал в этот вечер приглашен какой-нибудь одинокий гость или гостья: дедушкин сослуживец или папин товарищ, которому негде было встретить праздник. Справив “кутью”, мы отправлялись ко Всенощной. Но мы с сестрой в волнении: ждем чего-то необычайного, радостного. Да и как не волноваться: ведь наступило Рождество.

Может быть, будет елка... Какое детское сердце не забьется радостью при этом воспоминании. Великий праздник Рождества, окруженный духовной поэзией, особенно понятен и близок ребенку... Родился Божественный Младенец, и Ему хвала, слава и почести мира. Все ликовало и радовалось. И в память Святого Младенца в эти дни светлых воспоминаний, все дети должны веселиться и радоваться. Это их день, праздник невинного, чистого детства...

А тут еще является она – зеленая стройная елочка, с которой сохранилось столько легенд и воспоминаний... Привет тебе, милая любимая елочка!.. Ты несешь нам среди зимы смолистый запах лесов и, залитая огоньками, радуешь детские взоры, как по древней легенде обрадовала Божественные очи Святого Младенца. У нас в семье был обычай к большим праздникам делать друг другу подарки, сюрпризы, неожиданно порадовать, повеселить... Все потихоньку готовили свои рукоделия, мы учили стихи; под Новый год и на Пасху под салфетки каждому клали приготовленные подарки... Нас, детей, это очень занимало и радовало. Подарки бывали простые, дешевые, но вызывали большой восторг.

Елку показывали неожиданно, сюрпризом, и родители, няня и тетушки готовили ее, когда мы ложились спать.

За два или за три дня до Рождества мама печально говорила: “Бедные девочки, нынче им елки не будет... Денег у нас с папой нет. Да и елки дороги. В будущем году мы вам сделаем большую хорошую елку. А нынче уж проживем без елки”...

Против таких слов ничего нельзя было возразить... Но в огорченной детской душе все-таки таилась и обида, и смутная надежда. Верить и не верить словам мамы и близких.

В первый день Рождества сколько счастливых детских голов поднимается ото сна с радостной грезой, в которой мерещится хвойное деревце, сколько наивных ожиданий наполняет детское воображение... И как весело, заманчиво мечтать о золотой рождественской звезде, о какой-нибудь кукле, барабане, ярких огоньках на ветвях любимого деревца. У всех детей столько мечтаний, желаний, столько надежд связано с праздником Рождества.

– Лида, Лида, понюхай, ведь елкой пахнет, – говорю я, просыпаясь в рождественское утро в самом веселом расположении духа. Румяное, полное лицо сестры отрывается от подушки. Она уморительно морщит свой маленький нос.

– Да, пахнет... Правда... Как будто бы пахнет.

– А как же говорили, что елки не будет в этом году!

– Может, и будет. В прошлом году тоже сказали: не будет. А потом все было, - вспоминает сестра. Няня уже тут как тут.

– Нянечка, отчего елкой пахнет? – серьезно спрашиваю я.

– Откуда ей пахнуть... Когда ее и в помине-то нет... Вставайте, барышни-сударышни. Сейчас “христославы” придут...

– Это дедушкины мальчишки?

– Наверно, со звездой. Дедушка им красивую клеил.

– Конечно, наш забавник старался для своих ребят... Была я у них, весь пол в кабинете замусорен, точно золотом залит... А звезда горит, переливается... Вот увидите, что это за звезда.

В то далекое время был обычай “христославам” ходить по квартирам “со звездой” и петь рождественские песни. Обыкновенно в каждом доме собиралась местная беднота: мальчишки-подростки выучивали рождественские песни, делали звезду и шли по квартирам славить Христа. Не успеешь одеться, умыться, как, бывало, няня скажет: “Пришли со звездой”. Слышим топот детских ног и партия человек шесть – десять войдет в комнату. Мальчишки встанут перед образами и запоют “Рождество Твое” и “Дева днесь”... Затем громко поздравят с праздником. Иногда это пение выходило очень стройно и красиво. Было что-то трогательное и праздничное в появлении “христославов”. Мы с сестрой очень это любили, радовались и с нетерпением ожидали их прихода.

“Христославы” приходили в первый день несколько раз. У нас никому не отказывали: всех оделяли копейками и пряниками... Но мы особенно ждали “дедушкиных мальчишек”. Мы бы узнали их из тысячи, они появлялись с такой прекрасной,

замысловатой звездой, какой ни у кого не было. Ведь ее делал сам наш художник – дедушка. Даже нянечка и та, как-то особенно ласково и приветливо говорила:

- Ну вот, наконец-то и дедушкины ребята идут.

Мы замирали от волнения... Ребята застенчиво входят в комнату, а впереди них двигается прекрасная золотая звезда... Она на высоком древке, кругом золотое сияние – дрожит и переливается... А в середине – изображение Рождества Христова.

- Видишь, Лида, там Христос родился, – указываю я сестре на звезду.

- Вижу... Это дедушка нарисовал... Знаю...

Нам казалось, что дедушкины мальчишки пели как-то особенно громко и стройно...

Знакомые приветливые лица “босоногой команды” улыбались нам с сестрой... А мы конфузились и прятались за няню, за маму. “Дедушкиных мальчишек” оделяли, конечно, щедрее других. Их даже поили горячим сбитнем... Как они бывали рады и долго вспоминали об этом.

В первый день Рождества несколько омрачилось наше радостное настроение... Мы не знали, будет у нас елка или нет...

- Мама говорит, что не будет...

- А почему она смеется, – взволнованно говорю я сестре. – Отвернулась и засмеялась...

- Она всегда смеется...

- А почему дверь в их комнату закрыта? И елкой пахнет!..

- Мама сказала, что там был угар... И комнату проветривают... Холодно там.

Рассказ про угар похож на правду и начинаешь ему верить. Все-таки волнение не покидает нас. И мы таинственно советуемся:

- Можно подглядеть в щелочку.

- Нет, нянечка говорила, что нехорошо подглядывать.

Но искушение бывало так велико, что мы украдкой подглядывали в щелочку... И видели что-то прекрасное, сверкающее, зеленое... Похожее на елку... Бывало, в своем уголке мы уже переиграем в “христославов”, устроим из какого-нибудь цветка куклам елку. Но когда придут бабушка и дедушка с тетями и принесут в руках пакеты, то надежда снова наполнит наши сердца... Вскоре тетя Манюша займет нас рассказом... Заслушаешься и забудешь на время об елке... Вдруг мама запоет что-нибудь веселое... И нас торжественно введут в закрытую комнату. Дверь распахнулась – и там сияет огнями елка. Не знаю, хорош ли был старинный прием внезапно радовать детей елкой. Восторг бывал так силен, что дух захватывало от радости. Стоишь долго, рот разиня, и слова не можешь сказать. Глаза сверкают, щеки разгорятся и не знаешь, на что смотреть. А мама с папой схватят за руки и начнут кружиться вокруг елки с песнями.

Елка наша бывала скромная, маленькая, но убранная красиво, с любовью. Под елкой лежат подарки. Каждый чем-нибудь порадует другого. Тетеньки вышили нам передники. Бабушка сшила по мячику из тряпок. Папа с дедушкой сделали скамейки; мама нарисовала картинки. Няня одела наших кукол. Мы тоже всем сделали подарки: кому стихи, кому закладку, кому связали какие-то нарукавнички. Все было сделано по силам и с помощью няни. Взрослые, особенно мама и тетеньки, с нами пели и плясали кругом елки. Было весело. Но, к сожалению, в раннем детстве на наших елках и праздниках никогда не бывало детей; у нас совсем не было маленьких друзей... Помню, как-то раз няня привела детей прачки и посадила под елку.

Сначала мы думали, что это огромные куклы... Но когда рассмотрели, то не было предела восторгу и радости. Мы не знали, как и чем занять, повеселить и одарить наших друзей... Ребенок все же рвется к обществу своих сверстников, к детским интересам и играм с товарищами. И кажется, та наша елка, когда у нас были в гостях дети прачки, была самая веселая и памятная.

Совсем другие елки бывали у бабушки... На них бывало слишком много детей. “Бабушка для своих мальчишек старается, а вовсе не о внуках думает”, – недовольным голосом говорила тетя Саша. Но и внуки бывали в неопisanном восторге от бабушкиной елки. В маленькой квартирке серого домика скрыть само деревцо бывало невозможно... И мы его видели заранее – прелестное и разукрашенное затейливыми цепочками, фонариками, звездами и бонбоньерками. Все это бабушка клеил сам, и ему помогали папа и мама...

Но, кроме елки, на празднике нас и ребят “босоногой команды”, которых в кабинете бабушки набиралось человек двенадцать–пятнадцать, всегда ожидал какой-нибудь сюрприз, который нас радовал и увлекал не менее елки. Наш затейник бабушка делал удивительные вещи: ведь он был мастер на все руки.

“Что-то покажет нам бабушка?”

“Что он еще придумал?!” - волновались мы с Лидой.

Нас и других гостей отправляли в кухню, а в кабинете слышался шепот нетерпеливых голосов. Бабушка шел в залу и там сначала звонил в какие-то звонки, затем в свистульку, кричал петухом. После садился за свое фортепиано и сам играл старинный трескучий марш. Он только его и знал. Под этот марш мы выходили из кухни, а мальчишки – из кабинета. Их обыкновенно выводила мама или наш отец. Мы все под бабушкин марш обходили елку и садились на приготовленные скамейки. Сразу же начиналось представление. Каждый год оно бывало различное: однажды бабушка устроил кукольный театр, и все его бумажные актеры говорили на разные голоса, кланялись, пели, танцевали, как настоящие. В другой раз он показывал фокусы. При этом у него на голове была надета остроконечная шапка и черная мантия с золотыми звездами. Наивные зрители были поражены, как это у бабушки изо рта выходит целый десяток яблок, из носа падают монеты, исчезает в руках платок. Мы все считали его великим магом и чародеем.

Но лучше всего бабушка устраивал туманные картины. При помощи нашего отца он сам сделал великолепный волшебный фонарь, сам нарисовал на стеклах массу картин: это были вертящиеся звездочки, прыгающие друг через друга чертенята, вырастающий у старика нос необыкновенных размеров... При этом все показываемые картины старик пересыпал рассказами и прибаутками, шутками; показывая на экране какую-то тощенькую девицу, он говорил: “Вот вам девица Софья, три года на печи сохла, встала, поклонилась, да и переломилась. Хотел ее спаять, не будет стоять; хотел сколотить – не будет ходить... Я взял ее иголкой сшил и легонько пустил”.

Все, конечно, покатывались от смеха, особенно мальчишки.

После представления шло веселье вокруг зажженной елки. Бабушка играл свой марш, и ребята ходили и даже плясали... Помню, что всех ребят, как и у нас, поили горячим сбитнем и чем-то угощали... Под конец бывал такой номер, против которого всегда восставали бабушка и тетки. И нам в нем строго было запрещено участвовать. Но нас он занимал и привлекал, и мы завидовали, что не можем принять участия. Елку тушили; бабушка валил ее на пол и кричал: “Разбирай, ребята!” Тут уже начиналась свалка, крики и шум. Ребята бросались на елку и очищали ее до последнего пряника... Затем со смехом выволакивали на двор и там обдирали даже ветки...

Бабушка бывал очень весел и доволен за свою босоногую команду. Он сам превращался в ребенка: пел, шутил, возился, играл свой марш... Каким светлым лучом бывал этот праздник в сереньком домике для ребят горькой бедноты, которые попадали на эту елку “советника”. Она им снилась целый год и блестела еще ярче, чем та рождественская звезда, которую клеил им бабушка и с которой они славили Христа.